

Небольшое кафе — всего полдюжины столиков прямо под открытым небом — привлекло внимание Сергея не своей непосредственной близостью к спокойной в этот час глади Женевского озера, а тем, что в глубине под навесом он еще издали заметил железную жаровню с торчащими наружу изогнутыми рукоятками кофейных «турок».

«Значит, все-таки по-турецки, или по-восточному», — удовлетворенно подумал Сергей. Без этих прессов, сжатий, процеживаний и продавливаний; всего того, что в изобилии предлагалось в барах и холлах пятизвездочного отеля, в котором остановилась их делегация. Варианты по-венски, итальянские капучино и эспрессо, гляссе — он отметал сразу и в общем-то уже смирился, что в этой благословенной Швейцарии не попробует своего излюбленного напитка, а тут такая случайная удача!

Расположившись за ближайшим к воде столиком и дождавшись, пока неторопливый официант поставил перед ним изящную чашечку с благоухающим напитком, Сергей закурил и начал сосредото-

точенно размышлять: а не заказать ли ему рюмку чего-нибудь этакого... Вот только чего? Выглядеть профаном и невеждой в глазах четырех-пяти посетителей и утомленного официанта не хотелось. На ум, кроме избитого «кофе с коньяком», ничего не приходило, а как раз коньяк-то Сергей категорически не любил.

Наверно, у него даже на лице отразились эти бесплодные муки «питейного» выбора, потому что поднявшийся из-за соседнего столика элегантный господин средних лет сделал пару шагов по направлению к Сергею, вежливо улыбнулся и что-то пролепетал. Даже не вслушиваясь в произнесенную фразу, Сергей лицом изобразил смущенное непонимание, приправленное виноватой полуулыбкой, руками — досадное разочарование, а про себя подумал: «Отвали, немчура, не шпрехаю!» Подошедший продолжал что-то любезно излагать, делая плавные жесты руками то в сторону озера, то куда-то себе за спину, даже положил на столик газету и легонько потыкал в нее пальцем, пока, видно, не осознал бесплодность своих попыток установить даже минимальный контакт с чуждой цивилизацией. Тогда он тоже смущенно, по-доброму, улыбнулся, слегка приподнял шляпу и, плавно отступая, удалился к ухоженному газону, где начиналась по-швейцарски до блеска отмытая каменистая тропинка, ведущая вдоль озера. Сергей провожал эту джентльменскую ретираду легкими наклонами головы, стараясь, чтобы затвердевшие

мышцы губ не превратили вежливо-разочарованную улыбку в неприличную гримасу.

Впрочем, воспоминания об интеллигентном швейцарце тут же покинули голову Сергея, как только он задумался о том, как бы это поэлегантней расплатиться за кофе. Но усталый официант оказался настоящим профессионалом: на листочке бумаги, появившемся рядом с пустой чашкой, была четко выведена цифра, устраняющая любое непонимание при расчете. Высыпав на листок пригоршню мелочи, Сергей неторопливо поднялся, кивнул куда-то в сторону заведения и почти торжественно удалился, прихватив оставленную бургером газету. Не из любопытства — читать-то все равно не умел, — а от любви к порядку: выбросить в ближайшую урну.

Завтра рано утром Сергей улетал домой, в Москву. Сказка заканчивалась. Самая настоящая сказка. Он, офицер Военно-морского флота России, действующий капитан 2-го ранга оказался на международном симпозиуме в Лозанне. Это такой мелкий городишко на берегу Женевского озера на юго-западе страны Швейцарии, что в центре Европы. Кто б его туда пустил-отпустил, будь он хоть адмиралом? Но с международными договорами не поспоришь. Особенно если они приносят его стране многомиллиардные прибыли. А за рубежом глубоко наплевать, какой он военный да какой у него допуск секретности. Важно, что с недавних пор он возглавляет новый отдел в Инспекции по

ядерной безопасности, координирующий и контролирующий практически все работы по приему, транспортировке, захоронению и даже, частично, переработке использованного ядерного топлива и еще кое-каких очень дрянных отходов из этих зарубежных стран на территории России. Конечно, начальников над ним больше чем достаточно, и гражданских специалистов — хоть пруд пруди, но вряд ли кто-нибудь более обстоятельно мог бы ответить на вполне конкретные вопросы западных коллег о фактическом состоянии дел на этом новом поприще.

Вообще, все иностранные заказчики чрезвычайно любили точный учет вложенных ими средств, а тут еще и колоссальный интерес всяких «зеленых Гринписов», друзей диких животных и идейных борцов за выживание человечества.

Поэтому наверху решили: пусть выступит с отчетом начальник отдела Редин, ответит лично на самые каверзные вопросы специалистов и журналистов, а потом уже «настоящие участники» подпишут соответствующий меморандум, обговорят детали и займутся целым ворохом других, весьма значительных, интересных, привлекательных в финансовом плане проблем.

Симпозиум был многодневным, а Сергею Редину отвели на все про все меньше двух суток. Его сольное выступление заняло около часа и еще полтора — ответы на вопросы. Теперь он был свободен. Билеты в Москву лежали в номере отеля,

где проходили совещания, а сам капитан 2-го ранга совершал свой первый и последний пеший туристический променад вдоль берега знаменитого озера и по вылизанным, но уютным улицам швейцарского курорта.

«А вот и у вас, господа бургеры, свои проблемы с подрастающим поколением, — подумал Сергей, заметив на одной из аллеек группу молодых людей на роликах и скейтбордах, которые никак не вписывались ни своими экстравагантными нарядами, ни громогласной агрессивностью и задиристостью в строгие правила истинно буржуазной благопристойности. — Сейчас еще закутить попросят и в морду дадут».

Он, вероятно, оказался близок к истине, так как в центре группы возникла какая-то свалка, раздались громкие выкрики, даже без перевода очень напоминающие простой русский мат. Это было знакомо и неинтересно, поэтому Сергей свернул на боковую тропку и вскоре оказался уже на неширокой улице с привычными маленькими магазинчиками в первых этажах жилых домов и сувенирными лавками прямо на тротуаре. Редин поискал глазами урну, куда можно было бы выбросить прихваченную им из кафе газету. Наверно, его оглядывания не так истолковал продавец одного из ближайших лотков, потому что, заступив перед Сергеем на тротуар, начал истово рекламировать свой товар.

Вновь Редину пришлось прибегнуть к жестам и мимике, добавив выражение твердого нежела-

ния что-либо приобретать «на память». Впрочем, даже уличный торговец здесь оказался благовоспитанным и с поклонами, скрестив на груди руки, удалился за свой лоток.

Однако уже через сотню метров, на перекрестке, Сергей вновь столкнулся с «гримасами свободно-самовыражения»: его просто атаковала какая-то молоденькая девчушка в очках, уперев ему в грудь тошенькие кулачки с зажатыми в них листовками зеленого цвета и что-то азартно и сердито проповедуя. Сергей покорно взял прокламации, обошел девчушку и фургон за ее спиной, весь покрытый рекламными щитами, и свернул на более широкую, многолюдную улицу, ведущую к центру города. Он возвращался в отель.

Однако пройти сумел не более пяти-шести шагов: внезапно резко закружилась голова, очертания предметов перед глазами расплылись, ноги в коленях подогнулись, а из разжавшихся рук выпали на мостовую газета и листовки. Сергей успел еще если не увидеть, то почувствовать подхватившую его чужую руку, неудачно попытался что-то сказать, поймал краем сознания ускользающую мысль о чашечке черного кофе и провалился в нее, как в бездонный мрачный колодец...

ГЛАВА 1

— Это же какой-то шизоидный бред! — Талеев горячился, нервно расхаживая по кабинету помощника Президента. — Как такое вообще кому-то могло прийти в голову?!

— Ты ведь, Гера, только что ознакомился со всеми документами, — помощник кивнул на папку, лежащую посередине стола. — Наши «органы» опираются сугубо на факты, а тобой сейчас движут лишь эмоции.

— Какие факты?! Единственный неоспоримый момент — это исчезновение среди белого дня в цивилизованном европейском городе нашего соотечественника!

— А конверт с фотографиями и весьма интересными комментариями к ним, подброшенный на следующее утро в наше консульство?

— Во-во! — еще больше горячился обычно спокойный и выдержанный Талеев, — «анонимные доброжелатели», бывшие друзья бывшей Страны Советов. Хотя такой поступок уже говорит по крайней мере о том, какое направление наших мыслей и предполагаемых действий хотят видеть

такие «друзья». Но уж больно топорная работа. А вот наши органы, конечно, уцепились за этот конверт, как утопающий за соломинку. Отсюда все их «факты», «улики» и неопровержимые выводы.

Талеев вернулся к столу и взял из папки несколько снимков.

— Кстати, эксперты уже подтвердили их подлинность, — добавил помощник Президента.

Гера ничего не ответил, а продолжал пристально разглядывать отличные по качеству цветные фотографии. Одна из них запечатлела Сергея Редина, сидящего за столиком кафе и беседующего с пожилым господином, другая — факт оставления незнакомцем газеты, еще одна — как Редина эту газету берет и собирается уходить. Комментарии характеризовали собеседника Сергея как атташе по культуре одной заокеанской страны и штатного сотрудника ее же спецслужб. Впрочем, как и еще двух других. Не стоило даже утруждаться: этот факт был прекрасно известен и нашим.

Вот следующий контакт — лоточный торговец — «новинка»: исходя из комментариев следовало, что он известный «проводник» в цепочке торговцев наркотиками и живым товаром из стран третьего мира.

Последняя фотография зафиксировала Редина на железнодорожном вокзале около билетной кассы, а приписка поясняла, что здесь объект приобрел билет на ближайший поезд до Берна.

В общем, классическая комбинация «ухода за

бугор» по предварительной договоренности предателя и изменника Родины. Под чем с видимым облегчением и удовольствием подписались представители нашей внешней разведки в Швейцарии.

— А куда смотрели швейцарские спецслужбы, которые отвечали за секретность проведения конференции и личную безопасность каждого ее участника? — поинтересовался Талеев.

— Эти сведения пришли чуть позже и не попали в письменный отчет. Дело в том, что их агент, как и положено, последовал за Рединым на прогулке, но возле самого озера недалеко от кафе случайно оказался в центре разборки между группами каких-то местных не то рокеров, не то панков и получил такой удар чем-то тяжелым по голове, что скончался в больнице через несколько часов, не приходя в сознание.

Талеев хмыкнул:

— Вот уж воистину великая случайность!

— Власти Лозанны завели дело и будут искать зачинщиков беспорядков...

— ...до второго пришествия!

Помощник лишь пожал плечами.

— Да я в Сережке Редине больше чем в себе самом уверен. В его честности, неподкупности, верности долгу и присяге.

— А зачем, ты думаешь, я тебя вызвал? Чтобы комментировать всякую бредятину? В том-то и дело, что я тоже знаю этого человека еще задолго до событий в Баренцевом море.

Гера удивленно поднял глаза от фотографий.

— Учились мы вместе когда-то... Хотя к нашему делу это никак не относится. По моему мнению, капитан 2-го ранга Редин в силу специфики своей служебной деятельности оказался на стыке интересов соперничающих группировок в борьбе за большие деньги. Такие большие, когда стираются границы между «нашими» и «зарубежными», «белыми» и «красными», когда в ход идут абсолютно любые средства... Да. И разобраться с этим можешь только ты со своими ребятами. Так что забирай снимочки, папочку, обмозгуй план первичных мероприятий и часов в... четырнадцать зайди ко мне во всеоружии, господин кремлевский журналист. Я тебе интервью дам.

— Понятно.

— Тогда вперед!

О существовании Команды, работающей по личным указаниям Президента и управляемой его помощником, не подозревали даже самые крупные и информированные фигуры в кремлевской администрации и в Правительстве России. Смутные слухи шелестели иногда по коридорам все-мощного ведомства на площади Дзержинского, не оставляя, однако, за собой никаких вещественных следов, кроме разве что неожиданно удачно разрешенных запутанных проблем в различных областях политики и экономики, партийного строительства и культуры... Причем способы разрешения были

далеко не всегда чисты и честны с юридической точки зрения, но всегда эффективны, хоть иногда и смахивали на гангстерские разборки времен американской Великой депрессии. О таких случаях чистые руки, холодные головы и пылкие сердца предпочитали не распространяться.

В Команде практически не существовало служебной иерархии, и постоянный состав ее был до смешного малочислен. Зато к ее услугам была вся тайная мощь государства, что позволяло по необходимости привлекать для проведения разовых операций любых специалистов самого высочайшего уровня, использовать их втемную и оставаться вне сферы контроля самых въедливых чиновников.

Герман Талеев, он же Герард Усольцев, журналист с классическим образованием, везучий, ироничный, талантливый, полный неиссякаемой кипучей энергии, аккредитованный в официальном Кремле, был одним из непосредственных руководителей этой Команды, ее старожилом и безоговорочным авторитетом во всех решаемых ею вопросах. А статус кремлевского журналиста и особы, приближенной к императору, открывал любые заветные двери.

Сейчас он раз за разом просматривал фотоснимки и печатные страницы, выискивая малейшую зацепку. Что-то было не так! Это «что-то» промелькнуло в его сознании несформировавшейся мыслью еще в кабинете помощника Президента. Теперь он не столько вчитывался в текст, выученный уже наизусть, и не так пристально вглядывал-